

ТОРГОВЛЯ, КУПЕЧЕСТВО И ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО В XVI–XVII вв.

А. Л. Грязнов

ТОРГОВЛЯ НА БЕЛООЗЕРЕ ПО АКТАМ XV–XVI вв. *

Значительная часть обширного корпуса белозерских актов XV–XVI вв. касается вопросов, связанных с местной торговлей и организацией таможенного дела. Благодаря этому торговля и промыслы на Белоозере обстоятельно изучены В. С. Барашковой, а ряд тонких наблюдений о торговле и таможенном деле на Белоозере принадлежит С. Н. Кистереву. В данном случае нас интересует княжеская политика в сфере торговли на протяжении второй половины XIV — XVI вв.

Особенности географического положения и связанные с этим природные факторы оказывали первенствующее влияние на формирование региона и его экономическое развитие. Доминантой на протяжении XIV–XVI вв. были Белое озеро и вытекающая из него Шексна. Собственно, первоначально Белозерье — это территория, включавшая в себя весь белозерско-шекснинский бассейн. Как показывают источники XV–XVI вв. граница Белозерья проходила в районе водоразделов. Единственное серьезное исключение — окрестности озер Воже и Лаче (выделенные в конце XVI в. в Чарондскую округу), принадлежавшие к бассейну р. Онега, но, по крайней мере в XV в., входившие в Белозерское княжество¹. Климат и сравнительно низкое плодородие почв делали Белозерье относительно малолюдным. Сельскохозяйственное освоение значительных пространств здесь продолжалось еще в XV–XVI вв.² Судя по всему, именно на эксплуатацию природных богатств Севера и был ориентирован город Белоозеро в начальный период своего существования, первоначально практически лишенный сельскохозяйственной округи³. Кроме Белоозера крупным торговым центром уже в древнерусское время было поселение Луковец на средней Шексне⁴. Поселение с дружинным элементом располагалось на Кеме⁵, осваивался район Волока Славенского и появились поселения в районе Красного волока. Основным каналом коммуникаций с другими регионами была Шексна. Именно по ней двигался Ян Вышатич во время своей экспедиции против волхов, расправа с которыми была произведена в окрестностях города⁶.

Упадок пушной торговли сместил акцент экономической деятельности населения края в сторону земледелия. Тем не менее, ни в XIV в., ни позднее,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Каталог белозерских актов XIV–XVI вв.» № 16-11-35002.

Белозерье не стало чисто сельскохозяйственным регионом. Богатство водных ресурсов позволило развивать масштабную промысловую деятельность, в первую очередь рыболовство. Соответственно, изменялось по сравнению с предыдущим временем экономическое значение отдельных территорий, менялся ассортимент экспортируемых и импортируемых товаров.

Сохранившиеся источники задают нам специфический ракурс, под которым приходится рассматривать экономическую деятельность жителей Белозерья в XV в. В основном это жалованные грамоты, касающиеся организации сбора различных торговых пошлин или освобождения от них адресатов княжеского пожалования. С конца XV в. спектр источников расширяется за счет уставных грамот. Это Белозерская уставная грамота 1488 г. (далее — БУГ)⁷, Белозерская откупная таможенная грамота 1497 г. (далее — ОТГ)⁸, Белозерская таможенная грамота 1551 г.⁹, Уставная таможенная грамота на Чаронду и Коротецкую пристань 1592 г.¹⁰, уставные грамоты сбора таможенных пошлин в с. Семеновском (1598 г.)¹¹ и на Волоке Славенском (1602 г.)¹². Основное внимание составителей этих документов было сконцентрировано на организации таможенного дела и сборе различных пошлин с участников торговли. Тем не менее, сопоставление разновременных княжеских пожалований и установлений может пролить свет на экономическую политику владельцев Белозерья в разный период, определить насколько она была статичной или динамичной. Поскольку С. Н. Кистерев установил постоянство норм сбора таможенных пошлин на Белоозере с конца XV по начало XVII в.¹³, то далее основное внимание будет сконцентрировано на более раннем периоде.

По БУГ и ОТГ основным конечным пунктом для гостей из Московской, Тверской и Новгородской земель был сам город Белоозеро. Летом они приходили на судах, а зимой на санях. Путь их, очевидно, пролегал по Шексне (для гостей из Московской и Тверской земель) и по Ковже с Белым озером (через Бадожский волок) (для гостей из Новгорода). Кроме того, в БУГ предписывалось содержать таможенный пункт на Волоке Славенском, для которого при перечислении предполагаемых иногородних гостей добавлены жители Устюга и Вологды. Вполне очевидно, что они использовали для путешествий на Белоозеро именно путь, пролегающий через Волок Славенский. Возможность его использования как транзитного пути продемонстрировали новгородцы в ходе своего рейда в 1398 г. Их удару последовательно подверглись некие белозерские волости, старое Белоозеро и Новый Белозерский городок. Дальнейший путь новгородского отряда пролегал через Кубенские волости, Вологду, Устюг и далее по Двине к Орлецу¹⁴.

Отдельно в БУГ и ОТГ оговаривается, что кроме самого города гости и местные монастыри могут торговать в районе Углы, где указывалось «быти торгу по старине»¹⁵. Причем в ОТГ предписывалось на Угле «тамга имати у них по тому ж, как емлют на Белеозере в городе», тогда как в БУГ этого указания не содержится.

Как же соотносились установления нового владельца Белоозера (Ивана III) с местной традицией более раннего времени? В явном виде пошлины, собираемые на Белоозере с торговых экспедиций, прописаны в одной жалованной

грамоте князя Михаила Андреевича: «явка, тамга, гостиное, осменичее, мыт, косты, побережное, сзорное, весчее, померное»¹⁶. Уникальным для сохранившихся документов XV в. является указание размера тарифов на восминичее и померное в жалованной грамоте Череповецкому Воскресенскому монастырю¹⁷. Тариф этот составляли с рубля по четыре деньги (восминичее) и по две деньги с двух бочек или воза жита (померное). В самой грамоте подтверждалось пожалование, осуществленное еще князем Андреем Дмитриевичем о сборе восминичего и померного на Белоозере в пользу Череповецкого Воскресенского монастыря. Следовательно, как минимум с 1420-х гг. эти две пошлины собирались в пользу Череповецкого монастыря, и данная практика сохранялась до последних лет княжения Михаила Андреевича¹⁸.

В 1512 г. белозерские таможенники получили распоряжение Василия III выдавать Воскресенскому Череповецкому монастырю 50 руб. за померное, которое раньше (по грамотам князей Андрея Дмитриевича и Михаила Андреевича) собиралось в пользу монастыря¹⁹. Годом ранее (в феврале 1511 г.) Воскресенскому монастырю была выдана грамота, обязывающая белозерских таможенников передать монастырю 50 руб. по выданной ранее великокняжеской грамоте²⁰. Хотя в грамоте 1511 г. про померное ничего не говорится, все же, вероятно, в обеих великокняжеских грамотах имеется в виду один и тот же платеж, который белозерские таможенники должны были ежегодно осуществлять в пользу Воскресенского монастыря (грамота 1511 г. выдана как одномоментное распоряжение великого князя, а грамота 1512 г. подразумевает ежегодные выплаты «безпереводно»). В 1526 г. это пожалование было зафиксировано в новой великокняжеской грамоте, выданной взамен утраченной грамоты 1512 г.²¹ Следовательно, между 1497 и 1511 гг. пожалование на сбор померного и восминичего было заменено денежной компенсацией, а сами эти пошлины теперь собирали белозерские таможенники. Как результат этих новшеств, в таможенной грамоте 1551 г. померное уже включено в перечень собираемых таможенниками платежей²². Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий (как минимум с последних лет княжения Андрея Дмитриевича) померное на Белоозере собиралось агентами Череповецкого Воскресенского монастыря, а не белозерскими таможенниками. Видимо, в 1497 г. эта практика еще сохранялась, но через некоторое время была изменена, и померное было включено в состав пошлин, собираемых белозерскими таможенниками²³.

В Белозерском таможенном уставе 1551 г. тариф на сбор померного указан с четырех четвертей деньга. Аналогичен его размер в Чарондской таможенной грамоте и грамотах на с. Семеновское и Волок Славенский²⁴. Причем во всех этих документах четверти, которыми измерялся облагаемый померным товар, названы московскими. В жалованной грамоте князя Михаила Андреевича указано, что пошлины собираются в соответствии с «его мерой печатной» и что «иным мерам в городе не быти»²⁵. Сам размер померного в грамоте удельного князя указан по деньге с двух бочек жита или две деньги с воза. Получается, что до 1486 г. единицы измерения отличались от тех, что установились после присоединения Белозерья к владениям великого князя. Разные единицы измерения, применяемые для сбора пошлины в XV и в XVI вв.

не дают возможности напрямую сравнить размеры пошлин в московское время и при удельных князьях. Некоторую подсказку в этом плане могут дать размеры штрафов за продажу хлеба без явки померщикам. По грамотам XVI в. штраф в два рубля накладывался за продажу двух или трех возов хлеба, а за продажу четырех четвертей назначался штраф в один рубль. Соответственно, один воз хлеба в XVI в. приравнялся к четырем четвертям московским. Если это сопоставление корректно, то получается, что при Михаиле Андреевиче померное составляло две деньги с четверти и, следовательно, было в два раза выше, чем тариф, установленный по грамоте 1551 г.

Сумма компенсации за изъятие у Череповецкого монастыря права сбора померного и восьминичего свидетельствует о значимости этой пошлины — 50 руб. при общей сумме таможенного откупа с Белоозера и Углы в 1497 г. в 120 руб. Однако для княжеской казны (как в период удела, так и после 1486 г.) гораздо большее значение имела другая пошлина — рыбное. В XV в. сбор рыбного и отрасли княжеского хозяйства, связанные с рыбным промыслом, находились в ведении княжеских рыбников, а в XVI в. — белозерских рыбных приказчиков. Они собирали пошлину за право рыболовства (например, невод в Белом озере облагался 20 белами), распоряжались доходами с княжеских езов и натуральным оброком в виде разных пород рыбы. Объем ресурсов, контролируемых рыбниками, виден по Белозерской езовой книге 1585 г., в которой указаны княжеские доходы в виде денежного и натурального оброка с рыболовов, осуществляющих промысел в Белом и других озерах и с многочисленных шекснинских езов. Несмотря на то, что часть добываемой или получаемой рыбы рыбники по княжеским жалованным грамотам в виде руги передавали местным монастырям, вряд ли вся оставшаяся в их распоряжении рыба могла быть употреблена на нужды княжеского стола. Соответственно, одной из задач рыбников могла быть реализация излишков продукта на местном рынке²⁶. Как видится, значительно способствовало этой задаче одно из центральных постановлений БУГ в сфере торговли — запрет иногородним торговцам и местным монастырям осуществлять торговые операции за пределами города и покупать товары (очевидно рыбу) «за озером» (ведь концентрация покупателей в одном месте естественным образом увеличивает и ликвидность товара, и его возможную цену, что в обоих случаях сказывается на княжеских доходах)²⁷. Этот запрет, отражающий сугубо местные реалии, показывает с одной стороны, проработанность клаузул БУГ, а с другой, внимание великокняжеской власти к интересам белозерской посадской общины, для которой законодательно утверждается монополия на торговую деятельность в рамках всего региона.

В грамотах времени правления князей Андрея Дмитриевича и Михаила Андреевича вопрос торговли «за озером» и прав на рыболовство в Белом озере поднимался неоднократно, так что само внимание великокняжеской власти к этой теме вполне обоснованно. В одной из грамот Кирилло-Белозерскому монастырю разрешалось купить рыбу за озером на строго ограниченную сумму (30 руб.)²⁸. Исходя из обращения в тексте грамоты, это разрешение задевало интересы наместников и их тиунов, доводчиков, рыбников и всех белозер-

цев. В жалованной грамоте на деревню в Каргаломе монастырским людям было разрешено ловить рыбу в озере, покупать рыбу за озером и торговать с гостями²⁹. В более ранней грамоте (1435–1447 гг.) наместнику и горожанам предписывается «не бранить» власти Кирилло-Белозерского монастыря, если те летом или зимой поедут торговать за Белоозеро или будут нанимать «за-озерских людей»³⁰. В жалованной грамоте Ферапонтову монастырю жителям слободки Крохино разрешено торговать в городе и за озером и по всей княжеской вотчине, ловцы освобождались от рыбного и им разрешалось торговать на Белоозере, Прутище и Шексне³¹.

Все эти освобождения свидетельствуют, что общим правилом был именно обратный порядок, то есть запрещение посторонним людям осуществлять лов рыбы на Белом озере и торговать «за озером». Значит, несмотря на то, что по княжеским грамотам могло происходить изъятие из запрещения посторонним купцам (не горожанам) торговать «за озером», общим правилом, за исполнением которого следили и горожане, и княжеские наместники, был запрет на такую деятельность.

Если порядок, по которому монополией на торговлю «за озером» обладали белозерские посадские люди, повторял в БУГ установления, существовавшие еще при удельных князьях (как минимум, с 1430–1440-х гг.), то включение в перечень подпадавших под запрет Кириллова и Ферапонтова монастырей стало новшеством, поскольку при Михаиле Андреевиче оба монастыря пользовались правом таковую торговлю осуществлять. Включение Кириллова и Ферапонтова монастырей в постановление БУГ укладывается в общую стратегию великокняжеской власти, направленную на укрепление белозерской посадской общины. Например, в 1488 г. в Белоозере началось строительство крепости. Тогда же в состав посада были приписаны все пригородные монастырские слободы, взамен которых монастыри получили в городе дворы фиксированного размера³².

Еще одно постановление, зафиксированное в БУГ и ОТГ можно соотнести с предыдущими распоряжениями белозерских князей. В обеих грамотах постановлялось, что торг в районе Углы должен функционировать «по старине» (это же постановление было повторено и в уставе 1551 г.). Угла, как конечная цель одной из торговых экспедиций Троице-Сергиева монастыря, указана в жалованной грамоте Ивана III 1462–1466 гг.³³ Следовательно, действительно торг на Угле существовал задолго до издания БУГ и ОТГ и указание этих грамот на старину вполне корректно. Однако принципиальным является то, что торг находился на территории, принадлежавшей великокняжеской семье и, следовательно, до 1486 г. находился вне юрисдикции белозерских таможенников. Об этом свидетельствует грамота Ивана III, адресованная мытникам и пошлинникам Луковецкого и Усть-Угольского мытов³⁴. Само существование великокняжеской волости в центре владений белозерского князя, на основной транспортной артерии региона, несло существенную потенциальную угрозу как целостности княжества, так и экономическому положению города³⁵. Как видим, не позднее 1450-х гг. (поскольку Иван III ссылался на предыдущее пожалование своего отца) великие князья не только уст-

роили на Угле мыт, но и поощряли отправку торговых экспедиций именно на Углу. Очевидно, что в установлениях белозерских князей не могло быть правила с поощрением торговли на Угле, а значит, это постановление стало результатом присоединения Белозерья к великокняжеским владениям и объединения бывших владений Михаила Андреевича и Углы в едином экономическом пространстве.

В общих чертах княжеская политика на Белоозере в конце XIV — начале XVI в. в сфере торговли выглядит следующим образом.

Уже в древнейший период для контроля над основным торговым путем существуют два таможенных пункта — в городе и на Луковце. Исходя из конфигурации транзитных торговых путей, проходивших через Белозерье, число и расположение таможенных пунктов было оптимальным. С одной стороны, они позволяли контролировать торговые экспедиции, проходящие по любому маршруту, а с другой стороны, избегать дублирования и как следствие неэффективности таможенной инфраструктуры.

Внимание к рыболовному промыслу на Белоозере видно уже в духовной Дмитрия Донского, который в числе своих белозерских владений отдельно называет Милолюбский ез. В XV в. в руках князей Московской династии сохраняются как езы целиком, так и доли в частновладельческих езах. В духовной Ивана III Заволожские волости Ивана Андреевича передаются с езами и рыбными ловлями³⁶.

Еще в правление князя Андрея Дмитриевича Кирилло-Белозерский монастырь приобретает первые земли на берегах Белого озера и получает разрешение на вылов в нем рыбы³⁷. Как следствие, уже в конце 1420 — начале 1430-х гг. появляются сведения о монастырских торговых экспедициях в район Тверского княжества³⁸. Череповецкий монастырь получает разрешение на сбор в свою пользу осмичего и померного³⁹. Следовательно, взимание некоторых торговых пошлин, собираемых в городе, в качестве пожалования могло дароваться отдельным институтам и, возможно, частным лицам.

По завещанию князя Андрея Дмитриевича его белозерские владения были разделены между двумя сыновьями. Это напрямую затронуло таможенную инфраструктуру — теперь Луковецкий мыт контролировал интересы владельца Заволожских волостей и некоторые транзитные торговые маршруты, проходившие через Белоозеро, оказывались вне мытного контроля администраторов белозерского князя (например, маршруты, проходившие через Волок Славенский и Среднюю Шексну).

В правление князя Михаила Андреевича сохраняются основные установления относительно торговли и таможенного дела, известные еще в правление его отца. Пошлины собираются в городе, часть из них идет в пользу Череповецкого монастыря. Функционируют волоки, связывающие Белозерье с другими регионами.

Но есть и изменения. Местные монастыри не только ведут рыбный промысел на озере, но и получают разрешение на торговлю в городе и «за озером». Выравнивание статуса крупнейших монастырей и горожан подчеркивает постановление о равенстве оброка за монастырские неводы, использовавшиеся

в белозерской ловле, с obroком, взимавшимся с неводов горожан⁴⁰. Тем не менее, если использование такого же тарифа как у городских людей связано с отдельным княжеским пожалованием, то обычно или тариф был выше, или на подобную деятельность налагался полный запрет. Поскольку кирилловские неводы уже «ходят», значит ранее тариф для них был выше, а распоряжение Андрея Дмитриевича о беспошлинной ловле⁴¹ было в какой-то момент аннулировано. Однако исключительность положения Кириллова, Ферапонтова и Усть-Шехонского монастырей подчеркивается тем, что торговые экспедиции других монастырей льгот не получали и действовали на общих основаниях.

Существенный ущерб сложившейся структуре торговли на Белоозере можно отнести два события. Первое — отделение Пошехонья, из-за чего уменьшались территория и ресурсы, подконтрольные белозерским торговцам. Рыба, добываемая в езах по нижней Шексне, теперь не обязательно доставлялась в Белоозеро. Второе — обустройство на территории великокняжеской части волости Угла мыта и конкурирующего с Белоозером торгова. О значении этого нового торгова свидетельствует продолжение его функционирования и после объединения Белоозерья под властью московского князя.

После присоединения Белоозерья к владениям Ивана III в сфере торговли и таможенного дела произошло несколько изменений.

Появляется таможенный пункт на Волоке Славенском (о его функционировании в более раннее время прямых сведений нет).

Торг на Угле переведен под таможенный контроль белозерцев.

Произведено укрупнение посадской общины за счет ликвидации монастырских слобод.

Аннулированы права монастырей на торговлю «за озером».

Судя по всему, введен сбор «за церковную пошлину и за гостиное, что емлют на Москве».

Немного позднее произведено соединение сбора некоторых торговых пошлин в руках белозерских таможенников, сбор таможенных пошлин отдается на откуп.

В одной из статей БУГ было прописано участие сотского и добрых людей в суде, осуществляемом наместниками. Но белозерская практика, известная еще в правление Михаила Андреевича и сохранявшаяся в конце XV — начале XVI в., была намного шире и предусматривала участие представителей посадской общины в контроле над земельными сделками в белозерской округе⁴².

В середине XVI в. сохраняется единое экономическое пространство в рамках Белозерского уезда. В новом таможенном уставе сохраняются установления и тарифы конца XV в.

В конце XVI в. при сохранении прежних таможенных тарифов меняется подход к регулированию торговли. Учреждаются сельские торжки, для них издаются отдельные таможенные грамоты и тем самым нарушается монополия жителей города на осуществление в волостях торговой деятельности. Параллельно с этим падает оборот торговли белозерских посадских людей.

Примечания

¹ Грязнов А. Л. Северная граница Белозерского княжества по актам XV–XVI вв. // Историческая география. Т. 4. М., 2018. В печати.

² Грязнов А. Л. Белозерские слободы XIV–XV вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год: Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М.; Уфа, 2016. С. 10–18.

³ Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 175; Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 101.

⁴ Луковец относится к группе наиболее крупных белозерских поселений (площадью свыше 5 га), в нем фиксируются элементы средневековой городской культуры (Кудряшов А. В. Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец, 2006. С. 120).

⁵ Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках: По материалам археол. памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 73.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. С. 175–176.

⁷ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 22. С. 38–40.

⁸ Там же. № 23. С. 41–43.

⁹ ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 230. С. 222–226.

¹⁰ Там же. № 356. С. 431–435.

¹¹ Кистерев С. Н. Таможенные правила в Белозерском крае в середине XVI — начале XVII в. // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 202–205.

¹² РИБ. Т. 35. Пг., 1917. № 24-б. Стб. 28–30.

¹³ Кистерев С. Н. 1) Таможенные правила в Белозерском крае... С. 202; 2) Таможенные правила на Белоозере в конце XV — середине XVI в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. Исторические науки. 2009. № 2. С. 52–53.

¹⁴ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 392.

¹⁵ АСЭИ. Т. 3. № 22, 23. С. 39, 43.

¹⁶ Там же. Т. 2. М., 1958. № 133. С. 79–80.

¹⁷ АФЗХ. Ч. 1. М., 1951. № 281. С. 244–245.

¹⁸ Формулировка грамоты не позволяет точно определить, когда Воскресенский монастырь получил право собирать торговые пошлины в свою пользу. Хотя Михаил Андреевич ссылается на предыдущую грамоту своего отца, тем не менее «изстарини воскресенская пошлина» могла быть первоначально пожалована кем-нибудь из предыдущих правителей Белозерья.

¹⁹ АФЗХ. Ч. 1. № 294. С. 250.

²⁰ Там же. № 295. С. 250–251.

²¹ Там же. № 285. С. 246.

²² ААЭ. Т. 1. № 230. С. 224.

²³ Ранее к выводу о включении померного в состав пошлин, собираемых белозерскими таможенниками между 1497 и 1551 гг. пришел С. Н. Кистерев (Кистерев С. Н. Таможенные правила на Белоозере... С. 50).

²⁴ ААЭ. Т. 1. № 230. С. 224; № 356. С. 434; РИБ. Т. 35. № 24-б. Стб. 29; Кистерев С. Н. Таможенные правила в Белозерском крае... С. 205.

²⁵ АФЗХ. Ч. 1. № 281. С. 245.

²⁶ Например, великокняжеские солевары занимались реализацией соли (АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 225. С. 161; № 245. С. 172).

²⁷ Конечно же, этот мотив был не единственным, ведь сделки в городе легче подаются таможенному контролю и, соответственно, таможенные сборы напрямую зави-

сят от доли сделок, заключенных в поле зрения таможенников. Тем не менее, только денежная оценка натурального оброка, поступавшего с рыболовов на Белом озере, составляла по езовой книге 254 руб. (Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года. М.; Л., 1984. С. 166–167).

²⁸ АСЭИ. Т. 2. М., 1958. № 129. С. 78.

²⁹ Там же. № 136. С. 81.

³⁰ Там же. № 77. С. 48.

³¹ Там же. № 318. С. 300–301.

³² ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 219; АСЭИ. Т. 2. № 332. С. 311.

³³ АСЭИ. Т. 1. № 318. С. 227.

³⁴ Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 24. С. 384–385.

³⁵ Грязнов А. Л. Белозерские слободы XIV–XV вв. ... С. 12–14.

³⁶ ДДГ. М.; Л., 1950. № 89. С. 356.

³⁷ АСЭИ. Т. 2. № 40. С. 29; № 42. С. 30.

³⁸ Там же. № 53. С. 35–36.

³⁹ АФЗХ. Ч. 1. № 281. С. 244.

⁴⁰ АСЭИ. Т. 2. № 236. С. 156–157.

⁴¹ Там же. № 42. С. 30.

⁴² Горожане были на отводе Афанасию Внукову земель на правом берегу Белого озера в 1455 г. (АСЭИ. Т. 2. № 165. С. 100–101). Городской староста Митя Юркин судился с Микифором Горбовым из-за вотчины в районе Вашек (Грязнов А. Л. Купчая Павла Харитоновна: землевладение на Белоозере в эпоху Куликовской битвы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 2. С. 19). Иван Окинфов производил развод земель князей Кемских (АСЭИ. Т. 2. № 298. С. 255). В 1512 г. верхушка посада — мужи на докладе у наместника (ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. № 86).

С. А. Козлов

ВИННЫЕ И ПИВНЫЕ КНИГИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА 1611–1617 гг. *

Косвенные налоги и прежде всего кабацкие сборы играли значительную роль в пополнении российской казны в XVII в. Государственная монополия на производство и продажу хмельных напитков осуществлялась в городах и населенных пунктах посредством функционирования там одного-двух кабаков. Вместе с тем в Нижнем Новгороде, Пскове и на Холмогорах в первой половине XVII в. насчитывалось по шесть кабаков в каждом, в Вязьме — пять, в Касимове — четыре, в Коломне — три¹.

Московские приказы при ежегодном планировании размеров кабацких доходов применяли окладную систему исчисления. Для каждого города устанавливалась минимальная окладная сумма сбора прибыли от казенной торговли алкогольными напитками. Власти практиковали два способа организации взимания питейных сборов — «откупной» и «верный»².

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Налоги и войны в истории России XVI–XVIII вв.» № 16-01-00066.